

меня, кто этот чужеземец, этот пролаз, этот интриган, этот столь опасный враг русских и славян, то я вам назову его. Это виновник D'rang nach Osten, вы все его знаете – это немец!⁶⁴⁶ Борьба между славянами и тевтонами неизбежна, она даже близка»⁶⁴⁶.

Речь Скобелева сразу же была напечатана во французских и немецких газетах и произвела эффект разорвавшейся бомбы. В Европе ее расценили как верный признак внешнеполитической переориентации царизма. Подспудная подготовка, конечно, шла, но до решающих перемен – разрыва с Германией и союза с Францией было еще далеко, и самовольный поступок генерала вызвал раздражение царя Александра III. Скобелева срочно вызвали в Петербург для объяснений. Он уверял, что никакого призыва к войне против немцев в его словах не содержалось, да и «речи» никакой не было, а так, всего лишь приватная беседа с молодыми людьми. Однако почитатели Скобелева утверждали, что он уже тогда разрабатывал план войны с «честными маклерами» и «добрыми нашими союзниками», как иронически писал о Германии В.И. Немирович-Данченко⁶⁴⁷. Так или иначе, Скобелев приобрел репутацию смелого и благородного борца с немецким засильем и пламенного патриота, и адепты панславизма еще очень долго повторяли пассажи из его парижской речи.

Под влиянием антигерманской политики правительства Александра III в ходе идейной борьбы по германскому вопросу в русском обществе к концу XIX в. формировались и усиливались антигерманские настроения. В нем были, конечно, и сторонники идей В.С. Соловьева, учившие защищать достоинство не только своего, но и чужого народа, проводить грань между благородной национальной идеей как идеей свободы и независимости наций и пагубным национализмом, переходящим вшовинизм. А различать национальность и национализм следует по их плодам. В частности, замечал Соловьев, «плоды великой германской нации есть Лессинг и Гете, Кант и Шеллинг, а плод германского национализма – насильственное онемечивание соседей»⁶⁴⁸.

В русском образованном обществе примеров такого различия было немало. В годы разгула германофобии многие либеральные и демократические публицисты учили русского читателя отличать трудолюбивый и талантливый немецкий народ, высокие достижения его духа от германских правителей, развязывающих войны, от филистеров, рукоплескающих их победам⁶⁴⁹.

Подводя итог разговору об образе «чужого» в русском обществе в пореформенный период важно заметить, что, несмотря на все усилия правительства основная часть населения, проживавшая в тот момент в деревнях и в своей основе неграмотная – не была затронута националистической пропагандой и сохраняла традиционно доброжелательное отношение к окружающим народам.

Е.Ю. Лебедеков
Екатеринбург

МЕЩАНЕ Г. КРАСНОУФИМСКА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

Проблемы социальной истории русского города дореформенного периода в настоящее время востребованы, особенно актуальным в научном отношении является изучение социально-экономических процессов. Есть необходимость обратить внимание на вопросы социальной структуры и социальной мобильности и др. микросоциальные процессы, происходившие в уездных городах. Рассмотрим их на примере одного из городов Южного Урала – Красноуфимска. В специальной литературе, посвященной

⁶⁴⁶ Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. С. 199.

⁶⁴⁷ Немирович-Данченко В.И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления. – СПб., 1884. С. 329.

⁶⁴⁸ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. – М., 1989. С. 269.

⁶⁴⁹ Оболенская С.В. Образование Германской империи и русское общество // *Метаморфозы Европы*. – М., 1993.

Красноуфимску, можно отметить практически полное отсутствие работ по истории населения города в XVIII – первой половине XIX вв.⁶⁵⁰

Красноуфимск был основан как крепость, где находилось воеводское правление, в 1736 г. В 1781 г. получил статус уездного города Пермского наместничества⁶⁵¹. К характерным особенностям социальной структуры населения Южного Урала относят наличие значительного контингента служилого населения, что обусловлено пограничным положением территории⁶⁵².

Не стал исключением и Красноуфимск. В 1760-е гг. там размещалась одна пехотная рота и 300 чел. служилых казаков (1762 г.); в 1771 г., по наблюдениям И.Лепехина, в крепости насчитывался 171 дом, где проживало 516 жителей⁶⁵³.

Среди горожан и в начале XIX в. (данные на 1803 г.) преобладали военные. Казаки гарнизона, служившие на Оренбургской линии, – наиболее многочисленная часть красноуфимцев. Доля казаков (служилых, отставных, малолетних) велика – до 70,47% от числа всех жителей м.п. (1177 чел.). На втором месте по численности после военных стояли представители городских сословий: купцов 3-й гильдии – 137 д.м.п. (8,2%), мещан – 325 д.м.п. (19,46%). Также в городе проживало небольшое количество священно и церковнослужителей, чиновников и дворовых людей⁶⁵⁴.

С присвоением Красноуфимску статуса города наблюдается поток желающих записаться в городское гражданство Красноуфимска. Переписываются крестьяне уезда и те купцы и мещане, которые ранее были приписаны к ведомству Кунгурского магистрата, но «жительство имели» непосредственно в Красноуфимской округе.

В 1788г. в городе насчитывалось уже 75 купцов (м.п.) и 215 мещан посадских и цеховых (м.п.)⁶⁵⁵. В 1793 г. в Красноуфимске было 255 мещан и цеховых (м.п.) и 121 купец (м.п.)⁶⁵⁶. По ведомости за февраль 1802 г. в Красноуфимске числилось 342 мещанина м.п.⁶⁵⁷.

Об источниках пополнения посада можно судить и по сведениям, которые приводит Н.С.Попов: «в купечество записывались по большей части из крестьян и заштатных церковнослужилых детей, а частью из других городов небогатые люди, ... в надежде, чтоб поправить свое состояние торговлею»⁶⁵⁸. Поток желающих приписаться в красноуфимский посад в первой половине 1780-х был столь высок, что возникла проблема размещения новых граждан в самом городе. Власти попытались ускорить процесс переселения «новичков» в город, что привело к жалобам со стороны «вновь поселившихся» об испытываемом ими «изнурении и угнетении» вследствие отсутствия «достаточного количества» жилья⁶⁵⁹. Постепенно Красноуфимск потерял былую привлекательность для желающих переменить статус или место жительства, поскольку надеждам горожан на получение прибыли от местных торгов и промыслов «не суждено

⁶⁵⁰ См. например, Красноуфимск. Сост. А.А.Можаев. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1970; Красноуфимск. Сост. Л.А.Александрова. Свердловск, 1986; Уездные столицы: Ирбит, Алалаевск, Камышлов, Красноуфимск. Екатеринбург: ИД Сократ, 2005.

⁶⁵¹ Анимаша Е.Г. Красноуфимск // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С.289.

⁶⁵² Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С.35.

⁶⁵³ Красноуфимск. Сост. Л.А.Александрова. ... С. 7-8

⁶⁵⁴ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию императорского Вольного экономического общества. СПб.: императорская типография, 1813. Ч.3. С.240.

⁶⁵⁵ Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф.316.Оп.1.Д.43.л.81//об.

⁶⁵⁶ Г.И.Балбашевский. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь: Тип. П.Ф.Каменского, 1891. Вып.3. С.39.

⁶⁵⁷ ГАПО. Ф.17.Оп.1.Д.1. л.24//об.

⁶⁵⁸ Попов Н.С. Указ.соч. С.241.

⁶⁵⁹ ГАПО. Ф.316.Оп.1.Д.43.л.65//об.

было сбываться» вследствие успешной конкуренции со стороны кунгуряков и неблагоприятной экономической конъюнктуры⁶⁶⁰. В 1808г. платящих подушные и др. подати мещан и цеховых было 385 д.м.п., что составило примерно 4,1% от мещан и цеховых всей губернии⁶⁶¹.

Довольно полные сведения о записанных в мещанство города с 1800 по 1827 гг. можно извлечь из городской обывательской книги г.Красноуфимска за 1826 – 1828 гг.⁶⁶² На протяжении первой трети XIX в. в мещанское общество города было записано примерно 119 чел. об.п. (23 семейства)⁶⁶³. Наиболее значительным – чуть более половины из всех записавшихся – являлся приток в мещанство крестьян (57%), причем наибольшую активность проявили крестьяне Красноуфимского и Кунгурского уездов (что вполне объяснимо географической близостью к городу)⁶⁶⁴.

Около трети из всех записанных происходили из мещан других городов (30%). В общество Красноуфимска переписывались из Соликамска (10 чел.), который в XIX в. постепенно терял былую значимость; из Кунгура (9 чел.) и Екатеринбурга (8 чел.), что могло быть связано с желанием приблизить место приписки (город, по которому числились мещане и где они обязаны были платить налоги) и место реального проживания (некоторые мещане из Екатеринбурга и Кунгура в начале XIX в. проживали в Красноуфимском уезде). Одно семейство красноуфимских мещан происходило из Новгородской губернии⁶⁶⁵.

Незначительная часть из пополнивших красноуфимское мещанское общество происходила из разночинцев (незаконнорожденных, церковников, рабочих людей)⁶⁶⁶. Один человек приписался из московского купечества⁶⁶⁷. Польской нации принадлежали прежде два красноуфимских мещанина.

Важным источником пополнения мещанства Красноуфимска в первой трети XIX в. являлось и местное купечество. Скорее всего красноуфимские купцы перешли в категорию мещан в 1800 – 1810-е гг. Об этом косвенно свидетельствуют следующие данные: в 1802 г. по городу числилось 129 купцов и 342 мещанина м.п.; в 1808 г. - 92 купца и 385 мещан м.п.; в 1815 г. по городу не было объявлено ни одного купеческого капитала; в 1817 г. подушные подати взимались с 696 мещан м.п.; а по обывательской книге 1826 – 1828 гг. в купечестве состояло всего лишь 30 душ об.п. (капитал объявили пять семейств)⁶⁶⁸.

Таким образом, можно констатировать, что приток записывающихся в гражданство Красноуфимска в первой четверти XIX в. был невелик и составил ок.8,9% от всех мещан города в 1828 г. В конечном итоге, к 1828 г. в мещанстве города к категории «старожил» принадлежали 100 семейств (при них состояло 670 д. об.п. - 50,1% от всего количества мещан об.п.). При 56 семействах «рожденных в городе» числилось 299 душ об.п. - 22,3% от всего количества «мещан»⁶⁶⁹.

⁶⁶⁰ Красноуфимск. Сост. Л.А.Александрова. Свердловск, 1986.С.11

⁶⁶¹ ГАПО. Ф.36.Оп.1.Д.27. л.314//об.

⁶⁶² ГАПО.Ф.111.Оп.1.Д.2907. лл.7-57.

⁶⁶³ Приведены данные на 1827 г. Подсчитано автором по: ГАПО.Ф.111.Оп.1. Д.2907. лл.7-57.

⁶⁶⁴ Из крестьян в мещанство Красноуфимска в 1800-1827 гг. было записано ок. 68 человек (данные на 1827 г.). Из них в Красноуфимском и Кунгурском уездах ранее числилось 28 и 15 человек соответственно, 9 чел. происходило из владений Осокина, 6 – Губина, 4 – с Миасского завода. Место приписки 6 чел. не установлено. См. ГАПО. Ф.111. Оп.1. Д.2907. лл.7-57.

⁶⁶⁵ Подсчитано по: ГАПО.Ф.111.Оп.1.Д.2907. лл.7-57.

⁶⁶⁶ Что составило на 1827 г. соответственно около 5, 3 и 1%.

⁶⁶⁷ Косвенные данные указывают, что в Красноуфимске проживали его родственники.

⁶⁶⁸ ГАПО. Ф.17.Оп.1. Д.1. л.24//об.; Д.5.л.52; Ф.36.Оп.1.Д.27.л.314//об.; Ф.111.Оп.1.Д.2907.лл.4-5//об.; Пешков В.Н. Население городов дореформенной Пермской губернии // Наш край. Материалы 5-й Свердловской обл.красвед.конференции. Свердловск, 1971.С.37.

⁶⁶⁹ Кроме того, по 6-й части городской обывательской книги 1826-28гг. можно выделить еще одну группу - «вдов и жен отданных в рекруты». В ней состояло 46 семейств (248 д.об.п. - 18,5 %). Следует учитывать, что категории «старожилы», «родившиеся в городе», «вдовы» выделяются условно, поскольку нет информации

По данным Городовой обывательской книги 1826 – 1828 гг. мещан об.п. состояло 1336 чел. об.п.⁶⁷⁰. По данным середины 1830-х гг. по городу Красноуфимску числилось 1452 мещан и посадских об.п. и 27 чел. купцов⁶⁷¹. Соответственно, население города в первой трети XIX в. увеличилось почти исключительно за счет естественного прироста.

Несомненно в самом Красноуфимске «имели жительство» не все горожане. Данные второй половины 1820-х гг. позволяют сделать вывод, что за пределами города проживало 45 мещанских семейств (257 чел. об.п. – около 19,23% от всех мещан об.п.). Из них около 35 фамилий имели постоянное местожительство в Красноуфимском уезде (224 д. об.п. -16,7% от всего мещан об.п.); остальные 10 сем. (33 д.об.п. -2,47% от всего мещан об.п.) – в гт.Екатеринбурге (2 сем.), Кунгуре (2 сем.), Осинском уезде (2 сем.), Кунгурском уезде (1 сем.), Уфимском уезде Оренбургской губернии (1 сем) и на Иргинском заводе (2 сем.).

Городовая обывательская книга позволяет выделить основные занятия красноуфимских мещан во второй половине 1820-х гг.

Занятием, которое служило источником пропитания 73 семейств (32,4%), являлось хлебопашество. Из них четыре семейства совмещали его с «торгом съестными припасами» и «разными работами». Эти данные совпадают с материалами статистики середины 1830-х гг. По сведениям МВД 1835г., хлебопашество в Красноуфимске «есть почти необходимое условие безбедного существования»⁶⁷². В статье, напечатанной в Пермских губернских ведомостях в 1840 г., сообщалось, что мещане Красноуфимска «снискивают пропитание большей частью земледелем»⁶⁷³.

Разными работами обеспечивали свое существование 88 красноуфимских мещанских фамилий (39 %) ⁶⁷⁴. Возможно, это было связано со сплавом леса по р.Уфе с башкирских дач ⁶⁷⁵. Незначительное распространение среди мещан города получили ремесла. Еще в 1803 г. в городе насчитывалось всего семь ремесленников – один портной, два мясника и четыре котовщика ⁶⁷⁶.

Городовая обывательская книга демонстрирует отсутствие в городе цехов и цеховых. В 1826 – 1828 гг. в данной сфере было задействовано 32 семейства (14,2% от всего количества мещан города). Наибольшее число ремесленников наблюдалось в области чеботарного ремесла, немного – в кузнечном, кожевенном, мыловаренном промыслах и делании овчин. Остальные обслуживали наиболее существенные нужды местного населения (портные, строители, разнорабочие).⁶⁷⁷ В 1835г. из пятнадцати ремесленников, числившихся по Красноуфимску, восемь были саложниками, трое – кузнецами и трое – портными ⁶⁷⁸.

о происхождении всех членах семейств. Необходимо также иметь ввиду, что жены, матери и престарелые отцы в действительности могли происходить из других социальных страт.

⁶⁷⁰ ГАПО.Ф.111.Оп.1.Д.2907.лл.4-5/об., 7-57.

⁶⁷¹ Доля «мещан и посадских» от всего населения города составила 65,9%. См. Материалы для статистики Российской империи. СПб.: типография МВД, 1839. Отд.3. С.42-43.

Во второй четверти XIX в.удельный вес категории «мещан» продолжал повышаться и в 1847г. составил уже 74% от числа всех жителей г.Красноуфимска об.п. см. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в Статистическом отделении Совета МВД. СПб.: типография МВД, 1852. С.22.

⁶⁷² Материалы для статистики Российской империи. СПб.: типография МВД, 1839. Отд.3.С.85.

⁶⁷³ Сметанин С.И. Формирование и разложение сословий 1800-1861гг. // Исторические записки. Т.102. М.: Наука, 1978. С.166.

⁶⁷⁴ ГАПО.Ф.111.Оп.1.Д.2907.лл.7-57.

⁶⁷⁵ Попов Н.С. Указ.соч. С.10.

⁶⁷⁶ Там же. С.241.

⁶⁷⁷ В чеботарном ремесле было задействовано 12 семейств, в кузнечном мастерстве – 4, в кожевенном промысле – 4, в мыловаренном ремесле, делании овчин, в портном и собственном рукоделии – по 2 семейства; в каменном, оконечном, синельном, красильном и разных ремеслах – по 1. Подсчитано автором по: ГАПО. Ф.111.Оп.1.Д.2907

⁶⁷⁸ См. Материалы для статистики Российской империи.... Отд.3. С.52-53.

Три мещанских фамилии (1,3%) имели пропитание от мукомольной мельницы⁶⁷⁹. «Нахождением в услужении» зарабатывали 15 семейств (6,6%). Из них шесть были связаны с продажей вина, шесть занимались «письмоводством в разных должностях и местах». Два семейства обретались «при разных должностях» и «в услужении» (не конкретизируется источником). Один мещанин зарабатывал возникшеством.

«Настоящим» мещанским промыслом - торгом - пропитывались около 5,7 % красноуфимских мещан (13 семейств). Торговали в основном съестными (4 семейства) и харчевыми припасами (2 семейства), а также мелочным товаром (4 семьи). Одна семья совмещала продажу съестных припасов с кожевенными товарами, одна вела торг кожами, салом и обувью. Просто «торг» также указан в качестве средства дохода одной семьи⁶⁸⁰. О незначительности здешней торговли говорит и официальная статистика середины 1830-х гг.⁶⁸¹

Товар красноуфимцы обычно закупали на Ирбитской ярмарке и продавали крестьянам «во время бывающих в городе съездов» 9 мая и 6 декабря. Конкуренцию местным торговцам составляли пермские, кунгурские и екатеринбургские купцы, а также торгующие крестьяне Иргинского и Саранинского заводов⁶⁸². «От домоводства» пропитывалось одно семейство. На содержании у родственников находилось три семейства⁶⁸³.

В результате приходим к выводу, что в г.Красноуфимске «мещан» как таковых, которые должны преимущественно заниматься мелочным торгом и собственным рукоделием (что отражено в законодательстве), чрезвычайно мало. Около трети записанных в 6-ю часть городской обывательской книги 1826 – 1828 гг. занимаются далеко не мещанским промыслом и «мало отличаются от сельских земледельцев»⁶⁸⁴. В сущности (и с точки зрения законодательства) их необходимо было бы переписывать в крестьяне. «Разные работы» позволяют говорить об отсутствии постоянных занятий и стабильного источника дохода почти у трети мещан города.

Всесторонне рассмотрев состав и профессиональные занятия красноуфимских мещан, можно заключить, что они достаточно характерны для данной категории горожан⁶⁸⁵. Развитие самого города в исследуемый период проходило неравномерно. Динамизм в экономике и социуме конца XVIII – начала XIX вв. сменился стагнацией 1810 – 1840-х гг., что не могло не сказаться на облике мещанства (как наиболее многочисленной группе жителей Красноуфимска). К середине XIX в. уездный центр походил в немалой степени на крупное село, что отмечалось современниками. В статье, напечатанной в 1872 г. в Пермских губернских ведомостях, город характеризовался следующим образом: «Красноуфимск – город, но как по роду занятий и по домашнему и внутреннему устройству мало похож на город. Въезжая с какой угодно стороны, видите его окруженным полями и деревнями»⁶⁸⁶.

⁶⁷⁹ ГАПО.Ф.111.Оп.1.Д.2907.лл.7-57.

⁶⁸⁰ Там же. лл.7-57.

⁶⁸¹ Материалы для статистики Российской империи.... Отд.3. С.6.

⁶⁸² Попов Н.С. Указ.соч. С.241.

⁶⁸³ ГАПО.Ф.111.Оп.1.Д.2907.

⁶⁸⁴ Попов Н.С. Указ.соч. С.88.

⁶⁸⁵ см. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С.120.

⁶⁸⁶ Уездные столицы..... С.278.